

приветствовали и просили ее благословения, ибо они не видели ее вот уже двенадцать лет.

Но она громким голосом обратилась к брату своему, королю Артуру:

– Куда девали вы моего меньшого сына, сэра Гарета! Он провел тут у вас год, вы же сделали из него кухонного мужика, и это – позор вам всем! Увы! Куда дели вы моего любезного сына, которьй был мне утешением?

– Ах, милая мать, – сказал сэр Гавейн, – я не признал его.

– И я тоже, – сказал король, – и теперь об том сожалею, но, благодаренье Господу, он показал себя славным рыцарем, не хуже любого рыцаря из своих сверстников. И я не успокоюсь теперь, покуда не разыщу его.

– Ах, брат мой, – сказала королева, – стыд и позор вам тут всем, что вы держали моего сына на кухне и кормили его со свиньями!

– Любезная сестра, – отвечал король Артур, – должно вам помнить, что я не признал его, да и сэр Гавейн и его братья тоже. Но раз уже вышло так, – говорил король, – что он нас всех покинул, мы должны изыскать средство, как помочь делу и его найти. Да и вы, сестра, думается мне, должны были предупредить меня об его приезде, и тогда, прими я его неласково, вы могли бы меня в том укорять. Ведь он явился к нашему двору, опираясь на плечи двух людей, словно не мог ходить. И выговорил у меня три желанья, два за собой оставил, одно же испросил тогда же: чтобы я целый год кормил его и поил. А через год испросил и два остальных: чтобы на него было возложено приключение с девицей Лионеттой, и третье – чтобы сэр Ланселот посвятил его в рыцари, когда он того пожелает. Я все три его желанья исполнил. А ведь многие здесь при дворе дивились, что за причина ему была испрашивать себе на год пропитание; и многие из нас оттого решили, что он не из благородного дома.

– Сэр, – возразила королева Оркнейская брату своему королю Артуру, – знайте, что я отправила его к вам хорошо вооруженным, в богатых доспехах, на добром коне, в здравии и достойном его наряде, и золота да серебра на расходы было с ним вволю.

– Возможно, что и так, – отвечал король Артур, – но мы ничего этого в глаза не видели, только в день его отъезда рыцари мне говорили, что к нему прибыл неведомо откуда карлик и привез с собой полные доспехи и доброго коня со всем снаряжением и богатой сбруей. И тому мы все дивились и гадали, откуда взялось такое богатство. И вот тогда-то мы и склонились все к мысли, что, уж верно, он высокого рода.

– Брат, – сказала королева, – всему этому, что вы говорите, мы верим, потому что он с самого рождения всегда был чудесно хитер на выдумку, равно как был он предан и верен неизменно своему слову. Но дивлюсь я, – сказала королева, – как мог сэр Кэй над ним потешаться и измываться и дать ему прозвище Прекрасные Руки? Но при том сэр Кэй, – сказала королева, – прозвал его лучше, чем сам думал, ибо сдается мне, что у него и вправду легкая рука и добрый нрав, как редко у кого на этом свете, – если только он жив.

– Сестра, – молвил король Артур, – пусть не звучат больше такие речи. Мы будем искать его по всем семи царствам и с Божьей помощью где-нибудь отыщем. Пусть же все это пройдет и настанет веселие, ибо он выказал себя воистину благородным мужем, и это радует мое сердце.

26

Тут сказали сэр Гавейн и его братья королю Артуру:

– Сэр, если вы дадите на-то свое соизволение, мы отправимся на поиски нашего брата.

– Нет, – вмешался тут сэр Ланселот, – в том нет нужды.

И так же сказал сэр Бодуин Бретонский:

– Наш совет таков, чтобы отправил король людей к леди Лионессе и просил ее явиться ко двору со всею возможной поспешностью. И не сомневайтесь, она явится непременно, и от нее сможете вы получить наилучший совет, где искать сэра Гарета.

– Хорошо сказано, – сказал король.

С тем составлены были учтивые письма, и отправили гонца, чтобы скакал день и ночь, покуда не прибудет в Замок Угроз. А там послали за госпожой, леди Лионессой, которая была в это время у своего брата сэра Грингамура вместе с сэром Гаретом. Она же, узнав, какое у гонца к ней посольство, велела ему скакать назад к королю Артуру, а она прибудет следом со всей поспешностью, возможной для ее достоинства.